

ПРОЩАНИЕ С ХИМЕРОЙ

Этот текст был вызван желанием поделиться мыслями с теми, кому, как и мне, важен поиск истины, какой бы дискомфортной она ни казалась, и кто, как и я, испытывает отвращение к «партийным», «корпоративным» и прочим групповым шаблонам мнений и идеологем.

1

Оппозиционно-либеральная российская среда несет в себе те же поведенческие константы, что российское общество в целом. Это – нетерпимость и несдержанность. Это создает серьезные препятствия для консолидации протеста, но наша тема совершенно другая. Для нас эти качества ценны тем, что придают дискурсу ту выразительность, которая и позволяет обнаружить под вывеской «либерализма» – антилиберальный догматизм. Однако сначала обратимся к тому редкому случаю, когда этот догматизм препарируется одним из столпов либеральной переориентации общественного сознания времен перестройки.

Юрий Афанасьев в тексте 2011 года «Возможна ли сегодня в России либеральная миссия?» так описывает род и источник этого догматизма:

«Системные либералы смотрят на Россию и мыслят ее прошлое сквозь призму теорий, понятий, категорий и ценностей не имманентных самой России, а внеположных для нее, наработанных в ходе изучения совсем другой, а именно западноевропейской исторической реальности. Они ошибочно продолжают полагать такие понятия и ценности всеобщими, универсальными и до сих пор пытаются (или хотели бы) на их основе и с их помощью переделывать Россию».

То есть, «либерализм» этот носит чисто партийный характер, и Ю. Афанасьев четко обозначает, что «партия» эта занимается обслуживанием содержащей ее «Русской Системы», маскируя «либеральной риторикой, фразеологией, слоганами и так далее» «антилиберальную, антидемократическую политику»:

«Обслуживая единовластие, они, по сути дела, дискредитируют идеи демократии и либерализма».

Нет никакого смысла пересказывать этот знаменательный текст, но одну цитату из него не могу не привести:

«...Мыслительная сфера, откуда протекает принципиальный догматизм системного либерализма, – это теории, понятия и ценности, которые не выводятся из русской реальности, а навязываются ей как обобщения не русского, а западноевропейского исторического опыта.

Что же касается сферы социальной, откуда тот же догматизм протекает и ею же всецело обуславливается, то здесь раскрывается не менее впечатляющая картина: придуманный объект познания в виде их же собственного “воспоминания о будущем” им не только пришлось выдавать за реальный, но еще и делать вид, что они его успешно реформируют» – <http://liberal.ru/articles/5114>

Разумеется, никакого впечатления на действующих «либералов» этот текст не произвел и произвести не мог в силу, собственно, в нем же названных причин. И госпоже Шульман ничто не мешает вести свою «просветительскую» деятельность все в той же якобы научной парадигме. Вы скажете – какая в том беда?

Если бы речь шла просто о чем-то вроде теории распила чугушной гири в поисках золотой благодати – то никакой. Но, к сожалению, когда этот процесс имеет форму масштабной, регулярной промывки мозгов на ничтожном количестве уцелевших от федеральной зачистки медийных площадок, когда всеми способами эта парадигма выдается за единственно верное либеральное учение – ситуация уже не выглядит столь безобидно.

Любой критический подход в таких условиях немедленно оказывается маргинальным, его автор подвергается игнорированию или шельмованию, а самое печальное – причина очередного провала либеральных реформ оказывается погребенной всевозможными фантазиями на тему «неправильных пчел».

2

Чтобы либерализм не превратился в службу власти, недостаточно ограничиваться провозглашением прав и свобод высшей ценностью, [правовой](#) основой социально-экономического порядка. Если государство оказалось, в силу тех или иных причин, имитационным – такому либерализму уготовано, в лучшем случае, фактическое соучастие в той же имитации в качестве «оппозиции».

Чтобы этого не произошло, чтобы предотвратить мутацию государства в сторону имитационного, а далее – авторитарно-деспотического, либеральные принципы должны входить в общественное сознание не через реализацию в форме записанных куда-либо красивых слов о «свободах», а через приоритет общественной задачи постоянной оценки действий властей с позиции верховенства закона над их волей.

Верховенство закона над волей властей – этот принцип должен был стать «оселком» для формирования правового государства, стать целью либерализма.

Отечественные же «либералы» в решающий момент 1993 года предали этот принцип, «подкупленные» тем, что либеральные свободы – слова, собраний и СМИ – легко им доставались просто в качестве поощрения за лояльность действующей власти – ведь она «своя», «либеральная»... Когда же лояльность эта перестала быть властью востребована, а утрату свобод стало уже невозможно не замечать – было поздно.

Конечно, такое массовое и бескомпромиссное предательство не случилось спонтанно, оно было подготовлено воодушевленно воспринятым «либералами» образом «российского Пиночета», который железной рукой должен вести паству к светлому «рыночному» будущему... Никаких реминисценций такого подхода с большевизмом «либералы» – яростные ниспровергатели большевизма, почему-то при этом не замечали.

Примечание.

У меня вдруг возникло предположение, что современный читатель может не понять, в чем смысл сравнения (понятного жившим в период краха советской диктатуры) «либерализма» с большевизмом: он полезет в Интернет и прочтет там, что «большевизм» – это некое политическое течение в России начала 20-го века, в котором ничего общего ни с каким либерализмом нет.

Поэтому объясняю: в западной историографии и постсоветском общественном дискурсе под «большевизмом» понималась совокупность идей и практик, основанных на марксизме (учение о «базисе» и «надстройке»), на идее построения социальной утопии средствами диктатуры избранной общественной группы при подчиненном характере моральных норм задаче этого построения.

Именно эти черты большевизма мы обнаруживаем и у «либерализма», увидевшего свою миссию в обслуживании гайдари-ельцинских реформ. «Перевернутый истмат» – как назвал это его качество Дмитрий Фурман в статье 1995 года.

«То, что большинство из них пошло на установление в октябре 1993 года фактически авторитарного президентского режима, – продолжал Дм. Фурман, – объясняется отнюдь не только карьеристскими и корыстными соображениями и не только страхом перед «красно-коричневыми», но и соображениями вполне бескорыстными и идейными – верой в то, что обладающему авторитарной властью президенту-“реформатору” легче будет проводить рыночные реформы и тем самым – создавать самую основу демократии».

О том же свидетельствует и Стивен Коэн:

«Как мы видели, на протяжении нескольких лет поддерживаемые США российские либералы “мечтали об... энергичном Пиночете”, который бы смог внедрить и защитить то, что они называли экономическими реформами. Активизировав свои поиски на закате президентства Ельцина, они нашли, как им верилось, такого Пиночета в Путине».

3

Итак, мы подошли к теме, вызывающей неизбежный «священный гнев» (с грубостями, проклятиями, расфрендами и банами) нынешних оппозиционных «либералов» – к объективной, а вовсе не субъективной, преемственности Путина именно от Ельцина (а не от ГКЧП или «советских недобитков» вроде Примакова, как «либералы» пытаются сейчас кого-то убеждать).

Преемственность эта проистекает вовсе не из конъюнктурных мотивов «Семьи», не из хитроумных спецопераций «Конторы», а просто из того самого предательства своей миссии, совершенного «либералами» в 1993 году. Когда «цель оправдывает средства» – этот большевистско-макиавеллиевский девиз, был воплощен ими в подстрекательствах Ельцина к уничтожению представительской ветви власти и Конституционного Суда вместе с Конституцией.

Сделать из Ельцина Пиночета, железной рукой проводящего гайдаровские реформы, невзирая на судьбу какого-то там населения, у них, правда, все равно не получилось. И до сих пор они вменяют ему это в вину – ну, что там стоила гибель бесполезных «советских отбросов» ради всеобщего последующего блага?

«Гайдару просто не дали» – эту мантру повторит вам сейчас любой вышедший из 90-х «либерал», так и оставшийся в представлениях о волшебных свойствах рынка, до которого было рукой подать. А «не дали» – всё те же «красно-коричневые недобитки», выпущенные зачем-то из-под стражи... И подсунувшие в конце концов простодушному Ельцину коварного Путина...

Владимир Пастухов, блестящий политолог с юридическим образованием, в лекции «Конституция несуществующей России», посвященной 20-летию переворота, отмечал:

«Российская политическая система непосредственно вырастает из кризиса 1993 года. Нельзя отделять Путина от Ельцина и нельзя отделять «нулевые» от «девяностых». Путинская вертикаль – это внешняя проекция того, что было внутренней интенцией Ельцинской команды, но в силу ее разнородности, в силу свойственного ей когнитивного диссонанса не могло быть воплощено в жизнь ею самой. Путин, к счастью, избавлен от когнитивного диссонанса и не претендует на то, чтобы считаться русским интеллигентом. Он не очень скрывает того, что он – «пацан», и строит государство «по-пацански», не оглядываясь на условности. Гайдар и Бурбулис в глубине души хотели чего-то подобного по форме, но образование и предубеждения среды, из которой они вышли, мешали им это сделать. Ведь и тогда все хотели Пиночета в

глубине души. Вышел, правда, не Пиночет, а Эво Моралес пополам с Уго Чавесом, но общее направление было угадано правильно» – <https://m.polit.ru/article/2014/03/29/constitution/>

В. Пастухов говорит об «интенции Ельцинской команды», которая суть либерал-большевистская интенция решения всех проблем одним разом, без оглядки на какие-то там «общечеловеческие ценности», с помощью которых они еще недавно разрушали классовые идеологемы советской государственности.

О 1993 годе придется поговорить особо, поскольку он оказался переломным не только ввиду совершенного Ельциным переворота с кровавым подавлением отчаянной вспышки гражданского сопротивления.

Самое главное, что окончательно оформилось в том году (спровоцировав, в частности, и переворот) и стало определяющим фактором всей последующей химеризации «новой» российской государственности – это превращение «демократического» федерального телевидения в орудие манипулятивных технологий. И первым манипулятивным дискурсом этого орудия, с помощью которого президентская ветвь власти сделала свой первый шаг к перманентной узурпации, – была, с одной стороны, накачка общественного презрения к представительным органам, как к пустой либо вредной говорильне фриков, «совков» и «коммуняк», а с другой – формирование неограниченного доверия к деятельности президента-реформатора.

И «либералы» с огромным энтузиазмом откликнулись на этот дискурс.

4

В апреле 2014 года я испытал потрясение, когда у случайного знакомого по совместному томленью у зала судебного заседания, вполне до того здраво оценивавшего безнадежные российские реалии, внезапно остекленел взгляд и он произнес: «Зато хоть Крым наш»...

Разумеется, не в такой степени, но сходный феномен я наблюдал и на некоторых своих знакомых в 1993 году. Анализировать происходящее они были уже не в состоянии, ими владело какое-то судорожное ожидание «окончательного решения» вопроса с тем, что, по их мнению, мешало «рыночным реформам», проводимых Ельциным и его командой. А мешало им почти всё, начиная, конечно же, от депутатов – до пенсионеров, проживших бесполезным образом свои жизни, а теперь еще чем-то недовольных.

Этот феномен «специализированного» массового паралича логического мышления так и остается для меня лишь феноменом. Как мыслящая аудитория представляла себе, что вчерашние соратники Ельцина, выбиравшие его своим председателем, поддерживавшие его на президентских выборах, во время путча, – вдруг задались целью, по его словам, свернуть страну с «дороги прогресса» в «коммунистический тупик»?

Вероятно, подобные же вопросы задавали себе многие свидетели сталинских «чисток», обнаруживая во «врагах народа» очередного ленинского соратника... Многие – но большинство – принимало это на ура!..

Реформы, начавшиеся фальшивой «либерализацией» (где «честен» был лишь отпуск цен), стали первой химерой рождающейся «русской государственности». К концу 1992 года Ельцину, поверившему в возможность проскочить «на всех парах через болото», но столкнувшемуся с болотом каким-то «неправильным», пришлось испытать великую досаду. Парламент, давший ему для проведения реформы годовые дополнительные полномочия, не счел целесообразным их продлевать. А президент уже вошел во вкус «указного права», почувствовал себя самодержцем...

Так и возник образ вредителей, вяжущих по рукам и ногам героя, ведущего свой народ в светлое завтра.

Эту версию о «ставших коммунистическими» Съезде и Верховном Совете, «препятствующих реформам» и распущенных им, чтобы реформы «пошли быстрее», Ельцин изложил Клинтону в ночь после издания Указа № 1400. И хотя, по его словам, «оппозиция постарается не признавать то, что случилось», «люди все это поймут, особенно интеллигенция».

Про «людей» Ельцин, конечно, погорячился (гайдаровский «Выбор России» с треском проиграл ЛДПР выборы-1993 в новый представительный орган – Госдуму), но про интеллигенцию – знал, что говорил. Рекрутинг «творческой интеллигенции», безмерно благодарной Ельцину за победу над путчистами и готовой пуститься за спасителем во все тяжкие, успешно состоялся еще весной 1993-го – эпоху несостоявшегося импичмента и референдума со слоганом «Да-Да-Нет-Да».

5

Чтобы за деревьями не упустить леса я отмечаю: цель текущей части текста – показать, как из манипулируемого слияния во взаимном экстазе власти власти и «либералов», с энтузиазмом взявших на себя миссию всемерной помощи герою-освободителю, рождалось чудище современного гибридно-самодержавного режима.

В интервью Радио Свобода от 29 сентября 2013 г. Андрей Илларионов отмечает средства, к которым вынуждены были прибегнуть «реформаторы», чтобы остаться у власти:

«...Характеристики парламента как "коммунистического", "красно-коричневого" – это специально изобретенные этикетки, нацеленные на дискредитацию того единственного состава российского парламента, который принял решения по осуждению коммунистического тоталитаризма и реабилитации его жертв... Применявшиеся Гайдаром и Чубайсом манипулятивные технологии смогли-таки дискредитировать парламент, занимавшийся восстановлением исторической справедливости и защитой, насколько это было возможно, бывших узников ГУЛАГа» – <https://www.svoboda.org/a/25121094.html>.

Но и по сейчас «либералы» и не думают отказываться не только от мифа о «спасении демократии от красно-коричневой чумы» в октябре 1993 (постя всякий раз в подтверждение фото «защищавших» Белый дом баркашовцев), но и от мифа о «всенародно принятой на референдуме» Конституции-93, которая, по действовавшему на тот момент закону, принята не была, так как за нее проголосовало 33% от списочного состава избирателей.

Борис Вишневский оканчивает свою статью «К несменяемому самодержавию» (Новая газета. 27.07.2020. № 79), написанную по следам принятия «поправки к Конституции», следующими словами:

«Выходом из положения является не просто отказ от этих изменений (принятие которых к тому же сопровождалось чудовищными фальсификациями).

Выходом из положения является отказ от самодержавия.

Да, почти все надо начинать сначала.

И важно не повторить прежних ошибок».

Но чтобы не повторять ошибок и отказаться от самодержавия на деле, «либералы», стоявшие у истоков переворота 1993 года, закончившегося принятием самодержавной Конституции-93, должны, для начала, отказаться от собственной лжи. А они этого делать вовсе не собираются.

Вот, например, как на голубом глазу «просвещает» очень статусный «либерал», бывший член ельцинского Президентского совета, участник Конституционного совещания, выработавшего проект Конституции-93, и ставший после ее принятия Помощником Президента (ранг руководителя Администрации Президента):

«Сейчас многие забыли, а большинство и не знает, что нынешняя несчастная Конституция принималась на Всенародном голосовании. Причина была проста – президент не обладал правом объявлять референдумы (только Съезд народных депутатов, уже не существующий). Поэтому Положение о голосовании, введенное указом президента, просто дублировало нормы действующего законодательства, и, по сути, это был референдум.

Там было... указано, что Конституция вступает в силу после опубликования ее результатов, если за ее принятие проголосовало более половины пришедших на голосование избирателей...» – <https://newtimes.ru/articles/detail/190577>

Перед тем, как Георгий Сатаров нашел повод меня заблокировать, я отвечал ему в комментарии:

«Это ложь, что "Положение о голосовании, введенное указом президента, просто дублировало нормы действующего законодательства, и, по сути, это был референдум".

В действовавшем на тот момент Законе РСФСР от 16.10.1990 №241-1 "О референдуме РСФСР" говорилось:

"При проведении референдума по вопросам принятия, изменения и дополнения Конституции РСФСР решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме".

Так что ни о каком "дублировании" речи быть не может, это было сознательное искажение закона, чтобы добиться нужного результата».

Нет сомнения, что Г. Сатаров был одним из зачинателей нынешнего манипуляционного управления; не зря возглавляемый им Центр ИНДЕМ уже сделал к тому моменту первый перевод американского учебника по ведению избирательных кампаний, а сам Сатаров занимался и политическим консультированием, в том числе пропрезидентского движения «Наш дом Россия». Это он перед президентскими «выборами» 1996 года «накачивал» электорат страшилкой о том, что компартия лишь «на некоторое время заморозила свои боевые отряды, но палец находится на курке, а в определенный момент курок будет спущен», он от имени президентской Администрации ставил «приоритетной задачей» на выборах в регионах «усиление президентской вертикали». Думаете, такие как он, способны раскаяться? Думаете, они способны признать, что путинизм и нынешняя «поправка» – это естественное развитие ельцинизма и выстроганной под самодержца конституции?

6

Но вернемся к нашей «либеральной» массовке.

Ей недосуг было разбираться, в чем источник вдруг возникшей конфронтации парламента и исполнительной ветви, реализующей программу реформ (Ельцин, Гайдар, Чубайс). А между тем, это был ключевой момент зачатия некой грандиозной аферы, которая запустила всю последующую цепочку деградации общества.

Дело в том, что к лету 1992 года команде Ельцина, которому постановлением Съезда народных депутатов от 1.11.1991 г. № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» были предоставлены на 13 месяцев требуемые дополнительные полномочия, – стало очевидно, что

никакой ожидаемый «рынок» не «заработал», и на горизонте уже маячат разгневанные гиперинфляцией васюковцы...

Гиперинфляция обесценила сбербанковские вклады граждан, но государство владело огромной собственностью – основными фондами, владельцами которой эти граждане могли бы стать, использовав предусмотренные законом именные приватизационные счета и – эти свои вклады. Сбербанковские вклады измерялись в тех же доинфляционных «советских» рублях, что и остаточная балансовая стоимость основных фондов.

У государства в этот момент были долговые обязательства в размере 315 миллиардов советских рублей перед более чем 40 миллионами вкладчиков Сбербанка РФ, у которого более 51% акций принадлежало государству и по которым оно отвечало своим имуществом. Из утверждения Гайдара о том, что этих вкладов «уже не было», в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством, предусматривающим в таких случаях имущественную ответственность, следовало только одно: основные фонды государства становились его имущественными обязательствами перед гражданами в размере долга по их вкладам! И по Закону РСФСР № 1531-1 от 1.07.1991 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», граждане могли использовать эти вклады для приобретения госсобственности (как это и делалось во время рыночных реформ в других странах и как предусматривала программа Явлинского).

Но сама мысль о том, что нужно отвечать по обязательствам упраздненного государства перед неизвестно кем...

Чтобы этого не произошло, «комбинаторы» решили ловким приемом «перевернуть доску».

14.08.1992 Ельцин издает Указ № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» или просто «ваучеров». Этот указ напрямую противоречил действующему закону о приватизационных счетах, и для того, чтобы Верховный Совет не смог его заблокировать в течении недели, как это предусматривалось упомянутым постановлением о дополнительных полномочиях президенту, «комбинаторы» издали его в тот момент, когда Верховный Совет находился на каникулах.

Чубайс не скрывал своей гордости за такую «ловкость». Ему дела не было до того, что обман представительного органа и «обнуление» принятого им закона подрывает доверие к «реформаторам» у депутатского корпуса, что начатая таким образом конфронтация вряд поспособствует успеху реформ.

Зато потом, Чубайс, вопреки своим предыдущим заявлениям, «объяснит», что ваучерная приватизация вовсе и не имела целью решать какие-либо экономические задачи; что задача ее была – «уничтожение коммунизма».

Но уничтожен был вовсе не коммунизм, уничтожена была вера избавившихся от коммунизма людей в демократические идеалы.

Впрочем – начиная с того момента, с вероломного запуска ваучерной аферы, можно уже особо не прислушиваться к тому, как власть объясняла свои решения и действия. Осознанный или нет – но мотив в ее действиях будет прослеживаться только один: удержание власти любой ценой. Репетиция предстоящей узурпации пройдет в апреле 1993-го.

7

«Накануне 1993 г. стало ясно, что утверждения рынка не только не произошло, но что страна находится в начале нового "переходного периода", конца которому пока не видно... И политики, и экономисты все чаще использовали термин "обман" при сравнении того, на что было

ориентировано население изначально, и тем, что позже правительство ставило себе в заслугу» – так характеризуют этот этап истории (<https://history.wikireading.ru/37703>).

Согласно данным правительственного доклада, опубликованного 29.10.1992, треть из 148 млн россиян оказалась за чертой бедности (независимые источники называли цифру намного выше), рост цен за 9 месяцев составил 1300%, падение производства – 18%.

По опросам в наиболее прореформаторской Москве 40% участников высказывались за отставку правительства.

В этих обстоятельствах, с первого работы VII съезда народных депутатов РФ (1.12.1992), Ельцин взял курс на перенаправление общественного недовольства с «реформаторов» – на представительный орган, якобы препятствующий проведению реформ. А так как орган этот и его полномочия определяла Конституция, ее также определили в «противники».

Так было положено начало донныне успешному «либеральному» мифу о том, что представительный орган вредил реформам уже потому, что являлся порождением еще «коммунистического режима», поскольку его выборы происходили до изъятия из Конституции нормы ст. 6 о КПСС, как «руководящей и направляющей силы советского общества». Спекуляция эта построена на незнании людей о том, что те главы Конституции, которыми устанавливалась система представительных органов власти (Советов) и избирательная система были полностью изменены ее редакцией от 27.10.1989 г. – одновременно с принятием нового Закона «О выборах народных депутатов РСФСР». Никаких упоминаний о КПСС и ее роли в новых нормах ничего уже не было вообще! И победу на этих выборах одержал избирательный блок «Демократическая Россия», руководимый [Гавриилом Поповым](#), [Сергеем Станкевичем](#) и [Николаем Травкиным](#) (все – выходцы из КПСС). И именно при его поддержке, 29.05.1990, на [I Съезде народных депутатов РСФСР](#) один из тогдашних пока еще «коммунистов» Б. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета...

Такой же фикцией была и «коммунистичность» Конституции РСФСР, которая уже в послепутчевой редакции от 01.11.1991 представляла собой полноценную «президентскую» конституцию с полным разделением властей (а в редакции от 21.04.1992 из нее исчезли последние упоминания чего-либо «социалистического» и «коммунистического»).

Проблема была лишь в том, что такой тип конституции, как показали последующие события, значительно опережал правосознание общества и его элит...

Догадываясь о том, что на Съезде придется держать ответ за несбывшиеся обещания, Ельцин решил, что единственный способ сохранить власть – это начать борьбу на уничтожение той силы, которая единственно ограничивала его самодержавные возможности, во вкус которых он уже вошел. И потому выбрал ультимативную линию поведения, от которой уже не отступал, до уничтожения парламента вместе с Конституцией.

11.12.1992, на следующий день после отказа Съезда в продлении Ельцину дополнительных полномочий и в утверждении Гайдара Председателем Совета министров (должность которого он временно исполнял по Указу Ельцина уже полгода), Ельцин выступил с обращением к народу, где обозначил представительный орган как врага, наследника путчистов, не дающего ему спасти страну:

«Реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в серьезной опасности. На Съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый Президентом и правительством, на те реальные преобразования, которые удерживали страну все последние месяцы от экономической катастрофы. То, что не удалось сделать в августе 1991 года, решили повторить сейчас и осуществить ползучий переворот».

Так парламенту было четко предъявлена дилемма: либо вы сдаетесь и поддерживаете президента во всех моих начинаниях, либо – как с ГКЧП – арест и суд под народные аплодисменты...

Теперь, при всех дальнейших переговорах между ветвями власти, на заднем их плане перед парламентом всегда маячил сценарий его разгона.

8

С момента фактического объявления парламента вне закона («ползучий переворот», якобы берущий начало в ГКЧП), его участь была предрешена. Россия не имела никаких традиций парламентаризма, зато имела мощнейшие традиции самодержавия. То, что для подавления парламентаризма, а вместе с ним – и принципа разделения властей, и надежды на правовое государство понадобилось целых 10 месяцев, объясняется одним: когнитивным диссонансом в среде самой исполнительной власти (не считая, разумеется, «реформаторов»). Многие колебались, постоянно стремились найти какой-либо компромиссный вариант – уж больно экзотичным представлялся им этот путь узурпации власти ради победы демократии...

Всё же они были не совсем «либералы».

К открытию VIII (внеочередного) Съезда выяснилось, что большинство регионов не поддерживают проведение назначенного предыдущим съездом на 11.04.1993 референдума. «Союз российских городов» отмечал фальшивость его повода:

«Основная цель референдума, прикрытая поводом обсуждения принципов новой Конституции Российской Федерации, выяснить, какая власть – законодательная или исполнительная – в большей степени поддерживается населением в ситуации реально существующих или искусственно разжигаемых противоречий между ними».

То же отмечала в «Независимой газете» и сотрудник Гарвардского проекта по укреплению демократических институтов О. Антоненко:

«...Референдум, намеченный на 11 апреля, можно отнести к разряду плебисцитарных референдумов, который, как было отмечено выше, представляет собой один из наименее эффективных и противоречивых его видов. Если такие референдумы и могут быть достаточно эффективны в ситуации определенной политической стабильности, то в противном случае очевидна их деструктивная роль».

Не все высказывались прямо, но все при этом понимали: сутью такого наполовину плебисцитарного референдума станет последующее истолкование его результатов. Так оно вскоре и случится, так и будет «обосновываться» последующее уничтожение парламента... А пока, после отказа VIII Съезда от проведения референдума, Ельцин выступает 20.03.1993 по телевидению с прямым обращением «к гражданам России:

«...Я подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с указом на 25 апреля 1993 года назначается голосование о доверии президенту и вице-президенту Российской Федерации».

«Особый порядок управления», как вскоре выяснилось, оказался блефом, но референдум с возможностью истолкования его в нужном для «обоснования» узурпации смысле, удалось в конце концов продать. Ключевым моментом стало заседание Съезда 28 марта, на котором решался вопрос об объявлении Президенту импичмента. Это был день созванного массивной

пропагандой триумфального шествия сторонников президента, во главе с Глебом Якуниным, Еленой Боннэр и Егором Гайдаром, по украшенной соответствующим образом Тверской к Васильевскому спуску. Там состоялся многотысячный митинг, с плакатами, требующими ареста Степанкова, Зорькина, Хасбулатова, Руцкого, и лозунгами: «Лучше один нормальный диктатор, чем 475 дебилов!», «Президент! Они понимают только язык силы!»...

Вышедший к митингу во время перерыва в работе съезда Ельцин был встречен восторгом и требованием «разогнать съезд». И Ельцин объявил, что не подчинится решению депутатов в случае объявления импичмента...

Импичмент не прошел: депутаты уже понимали, чем это им грозит.

И все четыре остающиеся до референдума недели шла неслыханная кампания зомбирования под лозунгом «Да-Да-Нет-Да».

Остановимся на двух публикациях в «Независимой газете» от 30.04.1993, в которых Ирина Петровская и Виктор Топоров делятся своими впечатлениями об этом происходившем в медиапространстве шабаше.

9

«Девочка, что ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?»

Этот вопрос героини Фаины Раневской из фильма «Подкидыш», упомянутый академиком Петраковым при анализе предреферендумных опросов, вспомнила и Ирина Петровская, анализируя программу «Общественное мнение»:

«Убедить неосознательных зрителей в том, как плохо было раньше, со всем артистическим пылом принялся Олег Табаков. До него столь же патетически с народом общались другие... представители передового отряда творческой интеллигенции, срочно призванные телевидением на подмогу: их аргументы, в основном, мало отличались от "убедительных" аргументов героини "Подкидыша" в пользу поездки на дачу.

При подборе участников учли вкусы и эстетические пристрастия разных слоев населения. Белла Ахмадулина была грамотно "уравновешена" Людмилой Зыкиной. Андрей Нуйкин – Верой Васильевой. /.../

Творческая интеллигенция в эти дни активно демонстрировала, что артист в России – больше, чем артист, режиссер – больше, чем режиссер, а рок-певец – значительно больше, чем просто исполнитель популярных песенок. "Вы готовы идти за мной?" – выпевал, приплясывая на трехцветном российском стяге кудрявый "попсовый" лидер Сергей Минаев. За его спиной на огромном экране, дабы зритель уяснил, что идти следует вовсе не за Минаевым, а за другим лидером, возникал президент, вскидывающий мощный кулак: "Но пасаран!"»

10 лет спустя, Игорь Минтусов, с 1992 года возглавляющий центр политического консультирования «Никколо М», вспоминал:

«До 1993 года никто в стране не знал, что такое политическая реклама. Разработка речитатива "Да-да-нет-да" была важным коммуникационным решением, которым мы гордимся. Оно было из области рекламы — не разъяснять суть поставленных вопросов, а внедрить в общественное сознание: приходите и голосуйте так, если любите президента. В 1996 году этот прием был повторен во время кампании "Голосуй или проиграешь"» (Илья Барабанов. Безответный референдум. «Коммерсантъ». 25.04.2013. [№73](https://www.kommersant.ru/doc/2177906) – <https://www.kommersant.ru/doc/2177906>).

(Как «этот прием был повторен» в 1996 году прекрасно описано в книге: Михаил Зыгарь. Все свободны. История о том, как в 1996 году в России закончились выборы. М.: 2021.)

А знаменитая диссидентка Валерия Новодворская так описывала в своей книге «либеральную» политическую деятельность того периода:

«Всю долгую весну и лето мы тянули за рукав Президента, упрашивали, уговаривали, даже хамили с горя. Мы ничего не боялись и ждали, когда же он ударит в набат. И вот проходит апрельский референдум, и получен мандат на разгон Советов» (Над пропастью во лжи. М. 1998).

Да, как и предполагали независимые наблюдатели – весь вопрос заключался в «нужной» интерпретации результатов. Многие ли из распропагандированных граждан понимали, что их ответ «да» на вопрос о доверия президенту будет им представлен как поддержка в осуществлении силового переворота? И это при том, что в 12 из 19 республик, в которых проводился референдум, его политика не была поддержана.

Что же касается «мастеров халтуры», как назвал свою статью Виктор Топоров, то...

«Нравственное саморазоблачение творческого истеблишмента, растиражированное на всю страну голубым экраном, – предварительный (и пока главный) итог Пасхальной недели. Может быть, вы и правы в своем выборе – но в своем угодничестве вы не правы. И вдвойне не правы, когда тщитесь выдать его за отважное служение идеалам демократии. /.../

Литературе и искусству необходим просвещенный паразитический слой. На худой конец, сойдет и непросвещенный. Лишь бы платил, заказывал, угощал. Там слоем была номенклатура КПСС. И вдруг все это рухнуло.

Вот почему так льнут мастера к Ельцину – они прозревают в нем деспота, они умоляют его стать деспотом (надеясь, что деспотом он окажется просвещенным, потому что они его просветят). Вот почему так обхаживают скупщиков краденого и торговцев воздухом – паразиты уже завелись, осталось отвлечь их эстетические идеалы и химерические капиталы от тотального увлечения гениталиями. Впрочем, если “вы хотите гениталий”, то “их есть” и у мастеров. /.../

И вот вам, мастера, прогноз: деспот (каковою бы не оказалась его фамилия), устояв и укрепясь (и даже вновь зашатавшись), призовет не вас... Ему со всею неизбежностью потребуются не те, кто умеет высмеивать, а те, кто умеет славить».

За всем этим шабашем, за последующими взаимными интригами и провокациями, шел и очень сущностный процесс. 29.04.1993 Ельцин представил главам субъектов Федерации «президентский» проект новой Конституции. Но главным заключалось даже не в том, что именно он представил, а как:

«Почти полтора года мы работали в условиях жесткого противостояния со стороны съезда и Верховного Совета. Последнее время был взят курс фактически на политическое уничтожение и президента, и правительства, на полное блокирование экономической реформы. Все должны понимать, что теперь и президент, и правительство под защитой народа. Решения, которые противоречат воле народа, кем бы они ни были приняты, впредь не подлежат исполнению и должны быть отменены. Съезд и Верховный Совет должны определиться: либо они поддерживают курс президента и правительства, либо эти органы вступают в конфронтацию уже с самим народом» (Известия. 30.04.1993 г. № 81 – <https://yeltsin.ru/day-by-day/1993/04/30/24012/>).

Для «окончательного решения» вопроса о самовластьи Ельцину оставалась самая малость – убедиться в поддержке статусными представителями той самой «интеллигенции», о которой он упомянет в своем ночном разговоре с Клинтоном после издания Указа № 1400.

10

Понять, каким образом у классического популиста Ельцина, демонстрировавшего в начале своей «перестроечной» карьеры озабоченность судьбой «простых людей», вдруг их место полностью заняла «творческая интеллигенция», очень легко.

С одной стороны, эпоха гласности вынесла на поверхность и закрепила в качестве истины «либеральный» миф о том, что виною семидесяти лет прозябания в «совке» были «шариковы», представляемые не как маргинальные «Климы Чугункины», а как вообще «пролетарии», люди «производственной» социальной страты. Никакой досоветской «любви к простому народу» – если только не к «жертвам сталинизма» – новый, постсоветский, «либерализм» уже не допускал. И до тягот «шоковой терапии», ударившей прежде всего по «низам» общества, им было дела тем меньше, чем большие возможности достатка открывала перед ними свобода самовыражения и передвижения.

С другой стороны, Ельцин очень быстро обнаружил, каково быть в положении, когда народ перестает видеть в тебе «борца с привилегиями», а начинает спрашивать за внезапное обнищание. Первые такой эпизод известен нам из рассказа Бориса Немцова о посещении Ельциным рынка в Нижнем Новгороде в начале 1992 года:

- Борис Николаевич, пенсии никакие, а масло 207 рублей! За неделю – в 50 с лишним раз!
- Но его не было, а теперь есть...
- Пусть лучше по талонам, понемножку! А что толку, что теперь все есть, не купишь же: месячная зарплата – килограмм масла!

Ельцин поворачивается ко мне:

- Кто установил эти грабительские цены?

Я, поскольку был абсолютно молодой, отвечаю:

- Это сделали Вы.

- Как я?!

- Вы. Вы подписали указ о свободных ценах и свободной торговле. Вот его результаты.

Ельцин вдруг понял, что оконфузился» (Как мы открывали город: эпоха 90-х глазами нижегородцев / сост. Владимир Бессараб, Олег Рябов. Нижний Новгород. 2009).

Второй эпизод относится к концу этого года (когда уже грандиозный «конфуз» вышел с его обещанием от 28.10.1991: «к осени 1992 года... – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»).

Это произошло, когда после своего знаменательного выступления 11.12.1992 в прямом эфире по поводу «ползучего переворота», Ельцин поехал на встречу с рабочими АЗЛК. Его пресс-секретарь Вячеслав Костиков вспоминал:

«Расчет на энтузиазм рабочих не оправдался. Очевидно, что людям надоела затянувшаяся "склока" властей и они мало были склонны разбираться, кто прав, кто виноват. Для них и Ельцин, и Хасбулатов были новой властью. А при новой власти жить стало много трудней. Энтузиазма интеллигенции по поводу демократии рабочие явно не разделяли.

Президента встретили напряженным ожиданием. Это явно контрастировало с теми публичными выходами в народ, к которым привык Ельцин, когда сам был в оппозиции к Горбачеву. У Бориса Николаевича была в кармане написанная речь. Но, уловив холодок, он не стал

говорить по написанному. Сказал проще. Но он очень нервничал. Был не в лучшей физической форме.

Заключительные слова: "Верю в вашу поддержку" – не вызвали энтузиазма.

Думаю, что эта поездка оставила горький след в памяти Бориса Николаевича. Хождение в народ перестало приносить дивиденды. Я не помню, чтобы с той незадавшейся встречи президент выступал на встречах с пролетариатом. Это было уже не его поле» (Вячеслав Костиков. Роман с президентом: Записки пресс-секретаря. М. 1997. С. 80).

Совсем по-иному, как мы видели, реагировала на Ельцина «творческая интеллигенция», причем, в диапазоне от бывших диссидентов до бывших советских «мастеров культуры». Единственный их упрек Ельцину был в том, что он слишком медлит с уничтожением пережитков коммунизма... И никак не разгонит Советы!

Чуть позднее, в решающий момент Ельцин даст понять, как важно для него это мнение граждан...

План по обнулению Советов, на что якобы была получена воля от населения, состоял в том, чтобы предложить им поддержать такой проект новой Конституции, в котором никаких Советов уже бы не было, а вместо республиканской формы правления фактически устанавливалась разновидность монархии (то, что такую Конституцию-93 «одобрила» позднее Венецианская комиссия – это просто все, что нужно знать про эту комиссию).

5 июня Ельцин выступил на открытии образованного его Указом Конституционного совещания с докладом, где утверждалось, что «советский тип власти не поддается реформированию. Советы и демократия несовместимы» и что «в новой Конституции должен быть четко обрисован принципиально иной способ организации власти, и на этой основе в максимально сжатые сроки он должны быть реализован через выборы на федеральном уровне». Нетрудно догадаться, как отнеслись к таким заявлениям депутаты.

Искусственно провоцируемое двоевластие шло к закономерному итогу.

11

Диссидент, правозащитник и общественный деятель Вадим Белоцерковский, отказавшийся в 2014 году от полученного в перестойку российского гражданства – в знак протеста «против превращения России в авторитарное и агрессивное государство», писал в Независимой газете от 27.05.1993:

«Многие мои московские друзья негодуют: “Критикуя в своих статьях Ельцина и его команду, его реформу, ты льешь воду на мельницу красно-коричневых. Да, Ельцин далек от совершенства, но его противники еще хуже – коммуняки и фашисты! Ельцину нет альтернативы. Приходится выбирать наименьшее из двух зол. Как можешь ты, сторонник демократии, этого не понимать?!”

А я не понимаю, как можно возвращаться к старому советскому образу мышления... /.../

Принцип “наименьшего зла” неизбежно отбрасывает нас в царство лжи. Во имя будущего торжества Правды понуждает то и дело доказывать, что черное – это и есть белое. Я лично, например, не для того страдал всю жизнь от советской лжи... чтобы, например, доказывать, будто намерение Ельцина ввести “особый порядок управления” не есть переворот и узурпация власти. Или доказывать, что президентский проект Конституции не направлен к тому же самому» – https://yeltsin.ru/uploads/upload/newspaper/nzv05_27_93/FLASH/index.html

В другой, концептуальной, статье того же номера «Российский маятник: судьба демократии» трое профессоров по ходу отмечают:

«В массовом сознании все более основательно укореняется мысль, что все происходящее вокруг нас и есть “демократия”. А раз так, то лучше “сильная рука”, чем такая “демократия”. Налицо усиливающаяся тенденция девальвации демократических ценностей, способная дискредитировать идею демократии на долгое время».

Еще напомним уже проговоренное: системная «либеральная» ложь 1993 года и всего последующего Ельцинского периода – это и есть источник востребованности Путина сразу двумя общественными силами: опасаящимися за свою судьбу изолгавшимися предводителями «победившей демократии», и – многократно ограбленного и одураченного от ее имени населения.

Вернемся в июнь 1993 года, когда еще многим казалось, что совместная выработка устраивающего всех проекта Конституции и порядка ее принятия еще возможны.

Работу над новой Конституцией – до создания Ельциным Конституционного совещания – вела еще с 1990 года Рабочая группа Конституционной комиссии, возглавляемая Олегом Румянцевым. Но подготовленный проект явно не устраивал Ельцина; именно поэтому в конце апреля 1993 года им и было организовано Совещание с одновременным обнародованием «президентского» проекта Конституции.

Как характеризует его Виктор Шейнис, один из участников Рабочей группы, а затем и Совещания, «этот проект действительно доводил власть Президента до абсурда и отводил парламенту и суду жалкие роли».

Группа членов Британского парламента приняла по «президентскому» проекту даже специальное заявление от 14.06.1993, резко его осуждавшее, в котором отмечалось:

«Данная Конституция дает Президенту право принимать законы без участия парламента путем издания указов, распускать парламента в любое время и неограниченное число раз... по своей воле назначать всех федеральных судей и высших военных чиновников; отмечает, что... Президент может быть отрешен от должности только в случае подтверждения заключением Верховного Суда, который в свою очередь состоит только из судей, выдвинутых или назначенных самим Президентом; считает, что данные функции, которыми Президент наделен по Конституции, несовместимы с демократическими принципами...».

И, разумеется, сколь-либо существенно повлиять на «президентский» вариант в складывающейся ситуации Совещанию не удалось. Как признает В. Шейнис, «мы не оценили должным образом, к чему может привести присутствовавшая уже в первых проектах и резко усиленная в окончательном варианте *гипертрофия власти, сосредоточенной в руках президента...* Ловушка была в том, что очевидные, казалось бы, элементы авторитарного персоналистского режима виделись тогда многим демократам не как зло, а как необходимый и неизбежный элемент преобразований» (все цитаты взяты из: [Стенограммы, материалы, документы Конституционной Комиссии](https://www.prlib.ru/item/726769) – <https://www.prlib.ru/item/726769>).

Проблема, однако, не в том, что в какой-то момент была совершена некая ошибка. Проблема в том, что это была системная – вплоть до «рокировочки» – установка «либералов» на «неведение» зла за фасадом «необходимых и неизбежных элементов преобразований». Пока не выяснилось:

«Вместо авторитаризма в либерально-демократическом тумане крепнет неототалитарная власть, чтобы прикончить и все, что осталось» (Ю. Афанасьев, 2011).

К августу 1993 Ельцин решил, что возня с Конституционным совещанием себя исчерпала. *«Нам надо готовиться к решительной схватке, которая наступит в сентябре. Август надо использовать для артподготовки, в том числе в средствах массовой информации»* – заявил он 12 августа на совещании представителей государственных телерадиокомпаний РФ и руководителей СМИ.

В своей упомянутой книге «Над пропастью во лжи» В. Новодворская вспоминает об этом совещании:

«Был уже август, и надо полагать, Ельцин решался... И я послала записку такого рода:

“Дорогой Борис Николаевич!

Почему Вы не разгоняете Советы? Мы Вас не предадим и пойдём за Вами, если понадобится, на смерть.

Валерия Новодворская и ДС”.

Я видела, как он её читал, как показывал Полторанину, как положил в карман.

Я верю, что это облегчило ему прыжок в воду с моста... Это тогда он сказал про “артподготовку” и про то, что осенью мы будем приятно удивлены» – <http://indbooks.in/mirror3.ru/?p=373219>.

Эта записка «от общественности» легла, видимо, лыком в строку. Иначе могли и не обратить вслед за тем внимание на опубликованное в малотиражной газете «Литературные новости» открытое письмо 36 литераторов, членов ПЕН-клуба и других уважаемых представителей «либеральной» интеллигенции. Письмо решительно осуждало «преступную политику Верховного Совета» и требовало «провести досрочные, не позднее осени текущего года, выборы высшего органа законодательной власти».

15 сентября – за 6 дней до издания Указа № 1400, группа авторов письма (в их числе Юрий Давыдов, Римма Казакова, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Мариэтта Чудакова, Андрей Нуйкин, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Юрий Черниченко, Татьяна Кузовлева) были приглашены на встречу с Ельциным.

«Эта встреча продолжалась пять часов – вспоминала Мариэтта Омаровна. – Президент готовился объявить досрочные выборы и явно нуждался в нашей поддержке».

После этой встречи – что было Ельцину до сообщенных в тот же день Интерфаксом результатов всероссийского опроса жителей городов, по которым максимальный процент голосов был за досрочные выборы не только парламента, но и президента? – <http://www.rusconstitution.ru/timestream/1993/09/>

Впрочем, сразу после издания Указа № 1400 Ельцин сделал вид, что учитывает мнение большинства и издал Указ от 23.09.1993 г. № 1434 «О досрочных выборах Президента Российской Федерации», назначив их на 12 июня 1994 г.

Однако уже 09.11.1993 «Коммерсант» № 215 сообщил:

«На субботней встрече с руководителями средств массовой информации Борис Ельцин сделал заявление о намерении отменить назначенные на 12 июня 1994 года досрочные выборы президента России. При этом он подчеркнул, что по истечении срока президентских полномочий в 1996 году не собирается вновь выставлять свою кандидатуру на высший государственный пост»... – <https://www.kommersant.ru/doc/64230>

Но и это «не собирается» – тоже стало обманом...

Таков был естественный ход укрепления состоявшейся узурпации.

Но это – потом.

А пока, 5 октября, на фоне кровавых событий, «либеральная интеллигенция» праздновала победу – публикуя знаменитое «письмо 42-х» (<https://news2.ru/story/613371/>). (Нет, никто, позднее, не раскаялся – <https://www.colta.ru/articles/specials/708-pismo-soroka-dvuh-za-i-protiv>).

«...Ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34). Отказались ведать.

«"Да, переворот. Да, неконституционно. Ну и что?" – говорит А. Архангельский. А ничего! Кроме того, что все остальное – тоже пустое и вздор. И бывший Верховный Совет, и грядущая Государственная дума. И президент, будь то Ельцин или кто еще. И мэрия, и Моссовет... И – права отдельно взятого творческого интеллигента, у которого нет ни понятия о законе, ни малейшего желания культивировать законность. Все вздор и чепуха! Кроме, вероятно, исторической целесообразности, которую всякий волен понимать по-своему» (Виктория Шохина. Кровь на кончике пера. – http://www.ng.ru/specfile/2000-10-27/13_boloto.html).

13

Проблематику данного текста связывает с темой переворота 1993 лишь то, что этот момент наиболее ярко иллюстрирует скорость, с которой оказалась способна «либеральная» элита российского общества терять демократические ориентиры и возвращаться в привычную самодержавно-холопскую колею. Но так как в инфопространстве существуют две диаметрально противоположных интерпретации тех событий – одна «либеральная», насквозь лживая, и – «патриотическая», где правда перемешана с самыми нелепыми домыслами, я представлю – для тех, кому важно в этом разобраться – ряд ссылок.

С их помощью можно получить ответ на вопросы:

- как в действительности происходили массовые беспорядки, спровоцированные государственным переворотом Ельцина;

- почему Конституция-93 не является сколь-либо легитимной;

- почему она содержит в себе правовые основы самодержавия и не имеет никакого отношения к «разделению властей» и «правовому государству»?

1. Доклад Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москве 21 сентября – 5 октября 1993 года – <http://www.voskres.ru/taina/doclad-1993.zip>

Это огромный документ, содержащий наиболее полную информацию о тех событиях. Из него, в частности, становится ясно, почему Генпрокуратуре, установившей, что ни один человек не был убит из оружия, находившегося у защитников парламента, – «не удалось установить», из какого оружия были убиты более 30 военнослужащих, направленных на подавление протеста (оказалось, что подразделения различных ведомств обстреливали друг друга, принимая за войска, подошедшие на помощь к защитникам парламента). А отсюда – почему уголовное дело о массовых беспорядках было так быстро прекращено, а все участники амнистированы.

2. Интервью Олега Румянцева Станиславу Говорухину для программы «Час избирателя» (Первый канал, ноябрь 1993 г.) – <https://rumiantsev.ru/a725/>

(Очень ценное свидетельство одного из творцов Конституции-93 о событиях у Белого дома.)

3. «Я это видел и не сошел с ума...»: Репортаж с места расстрела. Независимая газета. 16.10.1993 – https://yeltsin.ru/uploads/upload/newspaper/1993/nzv10_16_93/FLASH/index.html
(Довольно сумбурные впечатления случайного свидетеля расстрела у Останкино.)
4. Елена Лукьянова. Из истории беззакония (к вопросу о порядке проведения и результатах референдума 12.12.1993 г.) «Независимая газета» 05.10.1999 (не удалось увидеть непосредственно данный номер газеты) – <https://pandia.ru/text/79/232/38904.php>
5. Елена Лукьянова. Указное право как российский политический феномен // Журнал российского права. 2001. № 10 – <https://znanium.com/bookread2.php?book=449638>
6. Андрей Маргулев. Естественная суверенная надобность – <http://activatica.org/blogs/view/id/9481/title/estestvennaya-suverennaya-nadobnost>

Ну, а в качестве итога этой части, я приведу фрагменты открытого письма Ельцину знаменитого диссидента и правозащитника Сергея Ковалева, которому двух лет участия в государственной политике хватило, чтобы понять, что же именно произошло после переворота 1993 года. Привожу, чтобы проиллюстрировать, как жалки попытки нынешних «либералов» выводить преемственность путинского режима от чего угодно, только не от ельцинизма:

«Последние шесть лет я считал своим долгом всемерно содействовать той политике, которую, со всеми оговорками, можно было назвать “демократическим преобразованием России”. /.../

Начиная, по крайней мере, с конца 1993 года, Вы последовательно выбирали не те решения, которые укрепляли бы силу права в демократическом обществе, а те, которые возрождали тупую и бесчеловечную мощь государственной машины, стоящей над правом, законом, людьми. Ваши враги утверждают, что Вы делали это для укрепления своей личной власти. Но, даже если это не так, дело от этого не меняется. /.../

Вы фактически остановили судебную реформу, которая должна была сделать правосудие по-настоящему независимым от других ветвей власти. /.../

Вы говорите об открытой политике, о гласности и публичности – и одновременно подписываете секретные Указы, касающиеся важнейших государственных дел, создаете закрытые советы и комиссии, засекречиваете все большие сведения о работе правительства, о положении в стране. Механизм принятия решений в президентской администрации стал почти столь же келейным, как это было во времена Политбюро ЦК КПСС.

Не секрет, однако, что Вы, как и вся пирамида созданной Вами исполнительной власти, в своих решениях все больше опираетесь на спецслужбы, на их систему закрытой информации. Быть может поэтому Вы отказались от кардинальной перестройки органов безопасности. /.../

Впрочем, Вы, а вслед за Вами и все высшие государственные чиновники, не заботятся об общественном мнении. В моменты кризисов, вместо открытых и честных объяснений, Вы и назначенные Вами руководители государственных ведомств потчуют нас такой откровенной и беспомощной ложью, что просто оторопь берет. Хрупкий мост доверия между обществом и властью, с трудом наведенный вопреки столетней традиции, снова разрушен. /.../

Я далек от того, чтобы возлагать всю вину только на Вас. Тоталитарный строй, которому был нанесен серьезный, но, возможно, не смертельный удар, защищает себя традиционными методами самосохранения: воспроизводством кризиса, развращением населения, подменой общественных ценностей. Ваша личная вина в том, что Вы не только не воспрепятствовали этим тенденциям, но стимулировали их. Быть может, Вы думаете, что строите Великую

Россию во благо ее граждан? Нет, Ваша сегодняшняя политика способна лишь в кратчайшие сроки воссоздать государство, открытое для несправедливости.

Иными словами, Вы воссоздаете старое сталинско-брежневское болото, только коммунистическая фразеология пока что заменяется антикоммунистической риторикой. Ваши преемники и этот недостаток исправят» (Известия. 24.01.1996 – <http://smartpowerjournal.ru/280520/>)

14

14.09.2020 Сергей Медведев опубликовал у себя в Хронике фейсбука, пост, посвященный выходу перевода на французский своей книги «Парк Крымского периода», в котором, в частности, заметил:

«При этом я вижу Путина как воплощение традиционного типа российского правления, который насчитывает по меньшей мере 500 лет, со времен Ивана Грозного. На самом деле, политическая система в России является вполне средневековой, с царем, двором, группами бояр, борющихся за место у царского стола, и населением, поделенным на сословия, наподобие каст, которые регламентируются государством».

По ассоциации вспоминается Борис Николаевич из «Исповеди бунтаря» Бориса Немцова:

«Вы с Чубайсом смеетесь надо мной, думаете, какой я пьяный, глупый, а я ведь все понимаю... Но только вы имейте в виду – я президент, а вы бояре просто. Да, вы умные, да, вы образованные, но бояре просто. Я вас не боюсь, это вы меня должны бояться».

Рад бы не цитировать, тем более, себя, но что делать – ведь и история наша все время сама себя цитирует?

«Передо мной лежит книга Владимира Соловьева и Елены Клепиковой “Борис Ельцин”, изданная в первой половине 1992 г. Я позволю себе привести пространную из нее цитату, как нельзя лучше характеризующую мироощущение интеллигенции той поры.

“Здесь мы должны рассказать об одном нашем личном разочаровании – о книге, которую мы прочли еще в юности и считали универсальным ключом к тысячелетней истории России... Книгу эту написал маркиз Астольф де Кюстин, изложив в ней свои впечатления от поездки в Россию в 1839 году...

Маркиз де Кюстин написал книгу о рабстве, о тотальном рабстве целой нации...

А коли русские рождены для рабства, то им никогда не выйти из тюрьмы, что бы они ни делали, – таков малоутешительный вывод этой знаменитой книги... Нам казалось, что эта книга на все времена, что скептицизм маркиза де Кюстина относительно России, увы, выдержал проверку временем – сначала русская, а потом советская история подтвердила его тяжелую, тягостную правоту...

Но вот к России 1990 года... к этой проснувшейся России концепция добровольного рабства больше не подходила, безнадежно устарела.

Заезжий француз, как остроглаз ни был, написал все-таки не вечную книгу...

Впервые книга маркиза де Кюстина о стране рабов не вызвала больше близких ассоциаций и воспринималась скорее по контрасту, чем по аналогии. Блестящая, умная, талантливая, может быть, даже великая эта книга стала наконец исторической... Она приобрела эвристическую ценность, потеряв актуальную, злободневную... Слава Богу, маркиз де Кюстин устарел...” (с. 277-279).

Нет, как выяснилось, не устарел...» («Демократия как справедливость» – <https://openrussia.org/user1068465/posts/14/>).

Интересно, что независимо от авторов указанной книги, с этим «устареванием» де Кюстина обмишурился и Фрэнсис Фукуяма в своем знаменитом труде о «конце истории» (1989):

«Многие считали, что действенность советского тоталитаризма опиралась на авторитарные традиции русского народа, существовавшие задолго до большевизма. Европейский взгляд на русских, популярный в XIX веке, изложил французский путешественник Кюстин, который характеризовал их как народ, «приверженный к рабству, который... всерьез воспринимает только террор и властность». Западная вера в стабильность советской системы основывалась на вере, сознательной или нет, что русский народ в демократии не заинтересован. /.../

И что же случилось с этим вечным двигателем механизма власти?

В год 1989-й, двухсотлетнюю годовщину Великой Французской революции и ратификации конституции США, решительный крах коммунизма стал фактором мировой истории» – (Фрэнсис Фукуяма. Конец истории и последний человек. М. 2004 – <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341/6344>).

И вот, через тридцать лет, «авторитарные традиции русского народа», ожидаемо сменив «коммунистический» фасад на «патриотический», обнулили очередную попытку выехать из средневековой, самодержавно-рабской, колеи.

Мне приходится вновь и вновь возвращаться к теме ментальной заданности воспроизводства на протяжении 500-летней истории Московии – России «традиционного типа российского правления» по той глупой причине, что трендом в нынешней «либеральной» общественной мысли является представление о том, что это «противоречит науке». Слово «менталитет», стоит его произнести, вызывает у почитателей госпожи Шульман снисходительную усмешку и мгновенную «просветительскую» отповедь. То же состояние умов «либералов» наблюдал я и 28 с лишним лет назад, когда еще не спала перестроечная эйфория и началась «радикальная экономическая реформа»:

«Ссылки на русскую ментальность чрезвычайно популярны у нынешних “патриотов”, — и потому, увы, вместо осмысления вызывают в стане “демократов” лишь ответное улюлюканье. А зря. Ведь хотелось бы им того или нет, но в истории России множество особенностей, отличающих ее от остальных стран западной цивилизации» (Новое русское слово. 24 марта 1992 г. – <http://margulev.narod.ru/tormoz.html>).

Никаких изменений в «либеральной» политической мысли с тех пор так и не произошло; нынешний очередной возврат в прежнюю колею представляется им очередной же «случайностью» субъективного характера – ну, ровно так же, как это было у идеологов социализма (описано у И. Шафаревича в книге «Социализм как явление мировой истории»). И потому, хотя данный текст не имеет своей целью опровержения «либерального» идейного догматизма (чему, напомним, была посвящена статья Ю. Афанасьева «Возможна ли сегодня в России либеральная миссия?»), мне приходится затрагивать и эту тему.

15

Остановлюсь на одном излюбленном тезисе Е. Шульман, которым она успела инфицировать сознание огромного числа нынешних «прогрессивных» граждан. Чуть ли не в каждой своей передаче на «Эхе» она упоминает (помимо «выученной беспомощности») о том, что «менталитет – антинаучное понятие». Что при этом она подразумевает под словом «наука» – неясно (как и то,

в чем же заключается «антинаучность» менталитета). По определенным критериям ни социология, ни история науками вообще не являются. Но есть и другие критерии, в которых определяющее значение научной теории имеет ее способность строить модели, наиболее близко описывающие поведение наблюдаемых систем. Однако из высказываний Е. Шульман невозможно понять, что именно она вкладывает в понятия «науки» и «антинаучности».

Наиболее развернуто она излагает этот свой тезис в интервью изданию Znak.com от 24.12.2018:

- Я знаю, что вы придерживаетесь мнения, что наше общество не так уж сильно отличается от европейских обществ и неправильно говорить, что Россия какая-то особенная страна со своим сложным менталитетом.

- Вы знаете, нет, ничего этого мы не видим. Менталитет, как известно, вообще понятие антинаучное. Давайте посмотрим на систему ценностей. Ценности – это научное понятие; отличие ценностей от менталитета в том, что это набор сложно сочетающихся между собой представлений людей о правильном и должном. Ценности меняются; под менталитетом в бытовом языке обычно понимается некая застывшая mindframe: такое состояние ума, которое в неизменности передается из поколения в поколение.

Собственно, на противопоставлении менталитета – «ценностям» все и заканчивается.

Но сразу в глаза бросается некий абсурд: а что, «традиция» – не может являться ценностью? Причем, наивысшей? И откуда у «ценностей» берется обязанность меняться?

Проблема, однако, не в том, что Е. Шульман не видит каких-то простых вещей – она их сознательно игнорирует. Ее кредо – строго следовать Фукуямовской либеральной парадигме (а правильнее – доктрине) о существовании неких абсолютных общечеловеческих ценностей, притом именно тех, которые выработало Западное общество. Как писал Фукуяма:

«Человечество приближается к концу тысячелетия, и кризисы-близнецы авторитаризма и социалистического централизованного планирования оставили на ринге соревнования потенциально универсальных идеологий только одного участника: либеральную демократию, учение о личной свободе и суверенитете народа» – <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341/6345>

Вот так – либеральный гуманизм – абсолютная ценность, финальная точка исторического развития, «конец истории»...

Е. Шульман вслед за Фукуямой рассматривает человечество как единую цивилизацию, что имеет смысл разве что для наблюдателя из другой галактики. Да, такой способ рассмотрения тоже допустим – когда нас интересует эволюция производственной деятельности и ее влияние на окружающую среду. Но парадигма смены формаций себя давно изжила, и взгляд из другой галактики ничего нам не скажет о состоянии общественных отношений внутри «человечества». Ибо человечество уже тысячи лет существует в форме «локальных цивилизаций», и нет никаких признаков, что история «сглаживает» различия между ними.

Отнюдь нет: цивилизации рождаются, живут, умирают – а вот различия между ними век от века воспроизводятся.

И потому в цивилизационном анализе (что-то ни разу не слышал от Е. Шульман упоминания об оном) ментальность является просто рабочим понятием:

«Наше убеждение состоит в том, что ментальность является базовым носителем существенных характеристик цивилизации. Именно ментальность задает собою всю безграничную феноменологию конкретной цивилизации. С рождением ментальности рождается и цивилизация. В ментальности отпечатываются значимые изменения цивилизационной модели.

Наконец, распад ментальности, утратившей способность вписывать человека в мир, объективируется в гибели этой цивилизации» (И.Г. Яковенко. Познание России: цивилизационный анализ. М. 2012).

Похоже, что Е. Шульман, выбрала себе раз и навсегда в качестве метода политического анализа либеральную парадигму, а парадигму цивилизационную просто отвергла как «ненаучную». Благо – нет площадки, чтобы поставить под сомнение такое «просветительство»...

16

Дабы избежать обвинений в том, что я примитизирую Фукуямовские представления о неизбежном торжестве либеральной идеологии, я упомяну, что он не исключал возможности локальных и временных поражений демократии и гуманизма. Но – никоим образом не отменяющих эволюционного прогресса человечества «в целом». Так, он писал:

«Универсальная История не обязана оправдывать каждый тиранический режим и каждую войну, чтобы показать имеющую смысл закономерность и масштабную картину человеческой истории. Мощь и видная в долгих периодах регулярность эволюционного процесса не станут менее верными, если мы признаем, что он подвержен большим и не имеющим очевидного объяснения прерываниям, как не теряет своей верности биологическая теория эволюции оттого, что динозавры вдруг вымерли» - <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341/6352>

То есть: динозавры как-то не вписались в биологическую эволюцию – и она спокойно пошла дальше без них. По Фукуяме – так же устроена и история человечества...

Допустим. Но ведь биологическая эволюция не привела к некой единой, «высшей» форме организмов. Земноводные остались земноводными, обезьяны – обезьянами. Каждая форма развивалась в рамках генетически заданного типа. И тогда, по той же аналогии, и в культурно-исторической эволюции не может быть «победы», принятия единой, «высшей» типологической системы обществами иных типологий!

Понятием «ментальность» как раз и характеризуют типологическую систему культурно-исторической общности, называемой «цивилизация». А если переходить к биологическим аналогиям – это «нервная система» цивилизаций, обуславливающая их поведение.

Цивилизационный подход к анализу закономерностей мировой истории мы видим у знаменитого английского историка и мыслителя А. Дж. Тойнби, в частности, в его основном 12-томном труде – «Постижение истории» (1934-1961). Но из истории этот подход пришел и в социологию; ибо вывод Тойнби о «столкновении цивилизаций» входил в явное противоречие с социологической идеей «глобализации». И уже в 90-е годы американский политолог и социолог С. Хантингтон писал:

«Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям» – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Важно понять, что межцивилизационные конфликты современности – это не обязательно войны. «...”Сокращение расстояний” посредством использования достижений западной технологии столкнуло лицом к лицу, в упор десяток различных обществ, еще вчера живших своей жизнью

почти так же независимо от других, как если бы каждое жило на другой планете...». В качестве примера Тойнби приводит историю возникновения родильного дома в границах турецкого морского арсенала, приведшую к полному изменению исламской социальной условности в отношениях между полами: «Столь полный разрыв с традиционными исламскими понятиями о приличиях... был прямым следствием решения египетского паши о создании военного флота по западному образцу...».

Самое главное, что делает цивилизационный подход продуктивным – это вывод Тойнби о том, что «действие чуждых сил, вторгающихся в общество извне, аналогично действию внутренних сил, поднимающихся изнутри».

Рассматривая, как частный случай, реакцию цивилизации ислама на цивилизационную экспансию Запада, Тойнби выделяет два типа ответов: «зилотизм» и «иродианство» (терминология, пришедшая из истории ответов иудаизма на экспансию эллинизма).

Первый тип – это архаизм, стремящийся насильственно сохранить традицию, отрицая Запад в целом (хотя и используя при этом его вооружение), «иродианство» же построено на стремлении овладеть «секретом» завоевателя, чтобы использовать его для процветания с одновременным сохранением цивилизационной идентичности. «Иродианство» является союзником завоевателя в борьбе с «зилотизмом», но победив, вдруг обнаруживает себя перед необходимостью по частям принять и все остальные элементы вторгшейся культуры». Это приводит к «неожиданному» конфликту, движению вспять. И, как итог, – «неожиданная» смена курса модернизации на реставрацию.

Классическая же либеральная доктрина с ее «рациональной» основой, столкнувшись с такой «иррациональностью», связывает ее с историческими «случайностями», с личностными качествами того или иного лидера. И потому не способна отказаться от поддержки слепого распространения либеральных ценностей, подразумеваемых обязательными поводами на неизбежную дорогу «прогресса».

17

Когда Тойнби выстраивал цивилизационную историческую парадигму, он не знал ни о будущих метаморфозах последних 30 лет российской истории, ни об «арабской весне» хотя бы на примере Египта, возвратившегося ныне в «мубараковский» застой, ни об эволюции Турции, едва не ставшей членом Европейского Союза и скатившейся затем в компанию гибридных режимов. Но зато перед ним была картина крушения колониальной системы в Африке. Вот, что он увидел:

«...Мы возьмем ситуацию, когда новая динамическая сила иностранного происхождения лишилась связи с родной почвой и оказалась в чужой и враждебной среде. Изолированный блуждающий элемент, помещенный в чуждое ему социальное тело, начинает производить хаос...»

Проиллюстрируем это, рассмотрев, какое действие оказало на Африканский мир введение западного института демократического правления... Традиционно основным институтом африканского правления была монархия – система, предусматривающая строгое различие между правителем и подданными. Среди африканских общин, не знающих никаких иерархических политических структур, авторитет власти распространялся непосредственно от индивидуума к индивидууму, без прохождения через специализированные учреждения... В теории демократия предусматривает стирание различий между правителями и подданными, однако на практике атрибуты власти оказываются в руках небольшой группы специалистов – юристов, судей, полицейских и т.п. Западная демократия и африканская система власти являются, таким образом, политическими системами, имеющими между собой очень мало общего. /.../

Таким образом, в политической структуре современной Африки можно выделить три ключевых элемента: разлагающаяся местная традиция, колониальное междуцарствие, в котором с трудом опознаются искусственно созданные политические единицы; экзотический налет западной культуры. Порочность объединения иноземных заимствований с местной культурой иллюстрируется, например, широкомасштабной коррупцией, выражающейся в раздавании должностей и постов своим родственникам, что совершенно недопустимо с точки зрения западного демократа (по крайней мере в теории), но считается вполне нормальным и даже поощряемым явлением в африканской общественной жизни. Опять-таки, неприемлемость политической структуры, которая содержит в себе непонятную идею “законной оппозиции”, привела в большинстве государств к ликвидации многопартийной системы сразу же после получения независимости».

Вернемся к России.

Ключевым моментом ее истории Тойнби считает втягивание Руси князем Владимиром в сферу влияния Византийской цивилизации, которая «оставила глубокий и продолжительный след в ее истории, подобный тому, какой западное христианство оставило в Скандинавии». «Современная Западная цивилизация, навязанная России Петром Великим и его последователями, – продолжает он, – оставалась византийской в своей основе».

Как и при анализе цивилизации Ислама, Тойнби находит два типа реакции России на ее вестернизацию: «зилотскую», представленную староверами, и «иродианскую», представленную политикой Петра Первого, осуществлявшего «самовестернизацию» путем заимствования технологий и государственного управления, но – при сохранении политической и культурной автономии.

Тойнби указывает, что позитивные результаты этого «иродианства» оказались достаточно слабы. Иллюстрируя это положение Тойнби ссылается на книгу Троцкого «История русской революции»:

«Таким образом, усвоение некоторых элементов западной науки и техники, не говоря уже о военных и промышленных заимствованиях, привело при Петре I к усилению крепостничества. Европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития страны».

Возвращаясь к теме византийского наследия России после революции 1917 г. в завершающей части своего труда, Тойнби указывает в примечании:

«...Я утверждаю, что Византийская цивилизация все еще жива в душе России и что лежащая под спудом структура византийского государства может всплыть из-под напластований успешно импортированных западных режимов: сперва просвещенной автократии, заимствованной с Запада Петром Великим, а затем коммунистического режима, импортированного Лениным и его соратниками».

И, далее, развивает эту мысль:

«Русская вера в святость, Православие и судьбу России пережила принятие Россией Западной цивилизации и после Петра Великого. В эпоху вестернизации она уже дважды отстаивала свои права – каждый раз облачаемая в западную идеологию, она перекраивала ее русскими руками и приспособливала для служения русским целям».

Теперь мы знаем, что это произошло и в третий раз.

Прежде чем перейти к тому крайне важному вопросу, что же представляет собой Русская цивилизация, что сформировало ее, такой отличный от Западной цивилизации, менталитет, упомянем попытки реформирования российской государственности в направлении либеральных ценностей, предшествующие постсоветской.

Разумеется, реформы Петра, которые хотя и являются реакцией на западное воздействие, режим правления не затронули, либерализовав лишь государственное православие.

Реформирование режима начала было Екатерины II, находившаяся – до эпохи европейских революций – под сильным влиянием идей французского Просвещения. Дело дошло было даже до уничтожения крепостного права.

С этой целью, в 1767 году она созвала «Уложенную комиссию» народных представителей от всех сословий (кроме крепостных крестьян – всего – 572 человека, из которых 45% – дворяне) с целью выработки общего свода государственных законов. Однако затея закончилась провалом: каждое из сословий было озабочено лишь корпоративными интересами, а вопрос об ослаблении крепостного рабства вылился в споры о «справедливом» наделении всех участвующих в комиссии сословий правом иметь крепостных...

Следующую реформационную попытку предпринял в 1861 году Александр II, освободив, наконец, крестьян своим Манифестом. Однако этот либеральный шаг был воспринят прежде всего самими крестьянами как какой-то хитроумный «обман». Начались волнения, теракты «народников»... Оказалось, что личная свобода была для российских рабов весьма условной ценностью. «Ваше величество, вы обидели крестьян» – произнес подведенный к царю террорист Каракозов после своего неудачного покушения.

А в 1917 году, когда ослабевшее самодержавие, уступив либеральной общественности, ушло из российской государственности, выяснилось, что народ не готов к демократии, но охотно готов к воссозданию самодержавия в обновленной форме. Ибо в его понимании, власть – это всегда отдельная от народа сущность, обладающая неземной санкцией на любой произвол.

Этот вывод можно сделать просто рассматривая народные суждения о деятельности вождей российской империи, возрожденной Сталиным в «советском» облачении. Власть хороша та, которая внушает страх. Когда же она перестает его внушать – она мгновенно становится плохой. Мгновенно наступает «коллективное прозрение», так оскорбившее Юрия Власова 30 лет назад.

Без внушения страха власть рисковала быть мгновенно опрокинутой. «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь» (В.В. Розанов, Апокалипсис нашего времени. 1918). А в 1991 – так же быстро «слинял» СССР, едва власть решилась на разоблачение своего сакрального ореола. И Путин победил всех «демократизаторов» просто потому, что вернул власти ее сакральный, в глазах народа, ореол. «Какой народ – такие и песни» – объяснял он Борису Немцову возврат сталинского гимна...

Сидящая в подсознании сакральность власти ментально не совместима с безусловной либеральной ценностью свободы выбора, а потому требование на словах «учредительного собрания» или «честных выборов» не выливается в коллективное действие по их защите от первого же «матроса Железняка». И именно поэтому у забравшегося на вершину власти всегда огромное преимущество в борьбе за дальнейшее там пребывание и огромные возможности влияния на то, кому быть его «преемником» – важно только поддерживать веру в свою сакральность.

Понять, что же и почему сформировало у Русской цивилизации такую ментальность, нам позволит анализ того самого «традиционного типа российского правления», который, как справедливо отметил Сергей Медведев, насчитывает свою историю со времен правления Ивана Ужасного (называемого по стыдливой российской традиции «Грозным»).

Хотя и без анализа можно догадаться, что что сформирована она террором и страхом. Террор породил страх, а страх – здесь уже гадать не получится – выбор Неведенья.

Аномально высокий уровень выбора Неведенья, совершаемого людьми в каждый момент своего возможного действия, – это и есть характеристическая особенность Русской цивилизации.

19

Надо сказать, что Ивану Ужасному очень повезло с российской историографией. Его деятельность старались обойти своим вниманием историки царского периода, а в советское время постепенно выработался «взвешенный» взгляд на это явление. Ну, да – борьба против бояр, жестокости. Ну, так а где установление самодержавия обходилось без оных? А массовое истребление населения – так посмотрите на «Варфоломеевскую ночь» (24.08.1572)... А чудовищные деяния инквизиции?..

Я не буду касаться, разумеется, скрепоносных веяний России 21 века, когда целый сегмент российской общественной мысли дошел до позора возвеличивания этого небывалого чудовища. Хотя, нельзя не признать в этом логики: Иван Ужасный был образцом для Сталина и потому уже мог рассчитывать на «историческую реабилитацию» благовестников «русского мира»...

Однако все подобные аналогии бессмысленны в отрыве от того, что являлось источниками, целями и мотивами внешне схожих деяний.

Фактология злодеяний из западной истории приводит к выводу о их «рациональной» основе – будь то религиозная и/или социальная борьба или военные эксцессы. То есть это были злодеяния по «необходимости» и во многих случаях с легитимным оформлением.

Период же правления Ивана Ужасного, особенно после учреждения опричины в 1565 году, дает, при ближайшем рассмотрении, картину беспрецедентного, абсолютно иррационального и ничем не ограниченного террора над беззащитным, рабски преданным населением.

Важно ли это обстоятельство?

Для классической формационной компаративистики – вряд ли.

Для цивилизационного же подхода оно может быть решающим.

Деяния Ивана Ужасного поражали представителей Запада, попадавших в Московию с теми или иными целями, прежде всего, не их варварской жестокостью. Этим в те времена трудно было удивить. Поражал именно тотальный и беспричинный характер репрессий против невинных подданных. Смешно, когда сейчас этих западных современников тирана пытаются уличить в «лицемерии» и «русофобии». Ибо достаточно почитать его переписку с Курбским, чтобы понять, каков потенциал его чудовищных воззрений на характер своей власти.

Вот важные ссылки на свидетельства западных современников:

1. Александр Гваньини. Описание Московии. М. Греко-Латинский кабинет. 1997 – http://www.balandin.net/Gunin/Bobruisk/CHAPTER_4/gvagnini.o.moskowji.htm

Этот труд был впервые издан в 1578 году и основан, помимо документов, на двух сочинениях – «Записках о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна (1486-1566 гг.), побывавшего в

Москве в 1517 и 1526 годах, и «Краткого сказания о нравах и жестоком правлении тирана Московии Васильевича» Альберта Шлихтинга.

2. Альберт Шлихтинг. Краткое сказание о нравах и жестоком правлении тирана Московии Васильевича / Новое известие о времени Ивана Грозного. Л. 1934.

Доклад, представленный после возвращения из плена в 1571 Сигизмунду II Августу.

3. Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М. 1990.

Сочинение торгового представителя английской компании, жившего в Московии в 70-90-х годах XVI века. Авторская рукопись хранится в Британском музее, впервых издавались частями в 1589 и 1626 годах.

Разумеется, фактология этих источников проверена историками по сохранившимся отечественным документам того времени.

Вот к профессиональным (а не «популярным») трудам отечественных историков мы сейчас и перейдем.

В беспрецедентном по смелости (1940 год) труде «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник» (в книге «Исследования по истории опричнины». М. 1963) С.Б. Веселовский пишет:

«Читая рассказы современников о казнях того времени, мы всегда испытываем недоумение. Мы ясно видим преувеличения, иногда подозреваем сознательную ложь, многое нам кажется чудовищным и нелепым, но вместе с тем мы не можем отделаться от впечатления ужаса, которое складывается у нас помимо воли и сознания. Это впечатление является смутным отражением того ужаса, который испытывали современники и который лишил их способности спокойно наблюдать события и объективно о них рассказывать» – С. 333.

«Со времени учреждения опричнины в 1565 г. казни приобрели характер организованного террора, направленного уже не столько против виновных, сколько против самых широких слоев населения, но в первую очередь, конечно, против тех, кто подвергнулся под горячую руку царя, кто составлял его ближайшее окружение и был исполнителем его распоряжений, будь то боярин, приказный дьяк или псарь, поставленный на заставе. Через них царь Иван распространял ужас в низшие слои населения, а иногда производил непосредственные погромы. Террор принимал характер системы, причем физическая жестокость пыток и казней казалась царю Ивану недостаточной, и он, в согласии со своими собственными представлениями и с представлениями современников о смерти и загробной жизни, прибегал сознательно и преднамеренно к крайним средствам. Таким крайним средством были удары по указанным представлениям, удары, которые для современников и жертв были страшнее физической боли и даже смерти, так как поражали на вечные времена душу. Чтобы человек не успел покаяться и сделать предсмертные распоряжения, его убивали внезапно. Чтобы его тело не могло получить выгоды христианского погребения, его разрубали на куски, спускали под лед или бросали на съедение собакам, хищным птицам и зверям, запрещая родным и посторонним лицам погребать. Чтобы лишить человека последней надежды на спасение души, его лишали поминовения. Курбский и другие сокромешники сообщают о разграблении имущества казнимых, о пытках при этом, о казнях «всеродне», т. е. целыми семьями и группами ближайших родственников. Курбский объясняет это корыстолюбием царя Ивана, но в действительности корыстные побуждения играли совсем небольшую роль. Если царь Иван конфисковывал недвижимое имущество казнимых и путем пыток вымучивал скрытое движимое имущество, то он имел в виду, во-первых, уничтожить лицо как социально-экономическую величину, разогнать и истребить преданную ему челядь, а затем лишить казнимого и его родственников средств поминания души. О том, что он достигал последней цели, видно из сохранившихся вкладных книг монастырей. Вследствие террора,

конфискации и разграбления имущества, а иногда и казни ближайших родственников, никто не решался делать вклады и записывать в поминание казненных» – С. 334-335.

Что же касается пресловутого «Синодика», то из работы Веселовского становится понятно, почему количество репрессированных, которые он дает (около 3000) никоим образом не может соответствовать реальному масштабу террора. А заканчивает он свой труд так:

«Очевидно, что пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов и что лица из низших слоев населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала. Ценность Синодика опальных как исторического источника в том и заключается, что он заставляет нас коренным образом пересмотреть вопрос о том, против кого была направлена опричнина и вообще опалы царя Ивана и в чем состояла сущность его политики относительно различных классов современного ему общества» – С. 478.

20

Обращусь теперь к творчеству не так давно ушедшего (2012), младшего современника С.Б. Веселовского, историка и литератора Даниила Альшица (Альшиц Д.Н. (Даниил Аль). Из книг. Воспоминания. Исследования. Публицистика. СПб. 2019). Будучи сотрудником Отдела рукописей нынешней Российской национальной библиотеки, он защитил в 1947 году диссертацию по исследованию правок летописей Иваном Грозным. В результате – был арестован и обвинен в том, что будто бы написал на материале XVI века пародию на редактирование Сталиным истории партии в «Кратком курсе истории ВКП(б)»...

В перестройку издал книгу ««Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного», о которой пишет в своей «Автобиографии» эпохи первой чеченской:

«Позволю себе заметить: если бы я издавал эту книгу в наши дни, главу об опричнине я, скорее всего, назвал бы так: “Опричнина как форма наведения конституционного порядка в России”. Суть этого порядка конституционно сформулировал сам царь Иван: “А наши великие государи... все государи самодержцы, и никто им не может указу учинити. И вольны добрых жаловати, а лихих казнити”. Кстати сказать, эти слова Грозного не случайно воспроизведены на обложке моей книги, хотя издана она не сегодня, а в 1988 году. История иногда помогает кое-что предвидеть».

Что же увидел доживший до ельцинских реформ, а затем и путинской реставрации историк? Заглянем, например, в его статью «Противостояние реформ и контрреформ – изначальная особенность истории российской государственности» (2007):

«Исторически сложилось так, что первоотличком, породившим в XVI веке из многовекового удельного хаоса новую вселенную — единую российскую государственность, — стала именно мощная контрреформа, прикончившая в зародыше те либеральные начала, которые попытались вложить в основание государственного устройства единой России его первостроители. Этот толчок и задал инерцию дальнейшей истории российской государственности в области внутренней политики и на долгие века определил ее характер. То, что столь важная связь событий истории России оказалась не замеченной историками многих поколений и различных научных школ, имеет ряд серьезных причин, о которых будет сказано ниже. Здесь же обратим внимание лишь на одну из них. Деяния первостроителей единого российского централизованного государства — фактического правительства начала царствования Ивана IV — постоянно именуется в историографии реформами. При этом может создаться впечатление, что вслед за этими реформами не последовало никаких контрреформ, поскольку в трудах историков,

изучавших этот период, слова “контрреформы” мы не встретим. Не встретим потому, что название яркого, огромного фактического наполнения, судьбоносного для дальнейшей истории страны события того времени — “опричнина” — прочно исключало какое-либо иное его наименование. Между тем опричнина по своему существу была не чем иным, как системой контрреформ, системой тотального выкорчевывания реформ так называемой Избранной рады — фактического правительства на первом этапе рождения единого централизованного Российского государства» – С. 211-213.

«Царя Ивана IV неотступно преследовал ужасный, в его представлении, призрак парламентаризма. Впрочем, только ли призрак? Стоило царю обратить взор на Запад, и перед глазами вставали те самые системы государственного устройства, которых он во что бы то ни стало хотел избежать в своей стране. В зависимом от своего дворянства положении находилась королевская власть в Швеции. От воли совещательных органов власти во многих важнейших вопросах, таких как финансы, объявление войны и заключение мира, зависели и французские короли. Различного рода палаты и форумы управляли республиками в Италии. Польша для Грозного была образцом полного бессилия короля, который был не “помазанник Божий”, а избирался ильяхтой. /.../

В письме, написанном в 1570 году английской королеве Елизавете, Грозный формулирует свое абсолютное неприятие системы правления, вынужденной считаться с парламентом: “И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь, и своему государству прибьтка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но мужики торговые, и о наших о государьских головах, и о честех, и о землях прибьтка не смотрят, а ищут своих торговых прибьтков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица”» – С. 220-221.

Итак, анализ того, что происходило в последние 20 лет правления Ивана ужасного, приводит нас к следующим важным выводам:

1. Целью и содержанием правления была сакрализация (в противовес западной либеральной «заразе») образа «самодержца», воплощающего волю даже не суверена (народа), а самого Бога.
2. Чудовищный террор населения, не имеющий, казалось бы, рационального объяснения, был способом внедрения в сознание «божественного» характера его власти в образе вершителя «Страшного Суда» по своему усмотрению.

После упразднения опричины населения уже впало в моральное оцепенение, отмеченное Веселовским:

«Ничем не ограниченное самовластие царя Ивана получило столь общее признание, что бороться за него дальше было бы то же, что ломиться в открытую дверь. Для поддержания памяти недавно пережитых ужасов царю Ивану было достаточно казнить время от времени несколько человек, преимущественно из числа своих приближенных».

Собственно, эта «родовая травма» будущей империи и определила специфику того, что является ныне Русской цивилизацией, в очередной раз отчетливо противопоставившей себя Западной.

21

«Гипотеза правдоподобная, – скажет иной читатель, – но не хочет же автор сказать, что последствия того тотального террора передавались каким-то образом (интересно, каким?) от поколения к поколению?»

Именно это, однако, я и хочу сказать.

Контрреформация Ивана Ужасного, опирающаяся на византийскую избранническую идеологию «Третьего Рима», совпала с целым рядом географических и политических обстоятельств, обеспечивая формирование этого устойчивого экономического, культурного и духовного феномена. Наследуемый страх – хотя бы в форме недоверия ко всему тому, что находится вне некоей очень примитивной, но достигающей подсознания «традиции», стал характерной особенностью.

Разница в цивилизационном менталитете России и Запада становится хорошо заметна на примере антиправительственных социальных движений Нового времени. Если в Европе целью таких движений могли быть политические реформы, борьба против абсолютизма, в которой феодалов поддерживали крестьяне (восстание герцога Монморанси в Лангедоке в 1632, война французской Фронды 1649-1653 годов, английская и французская революции XVIII века), то в России антиправительственные движения – Болотникова, Разина и Пугачева – существовали исключительно в форме «самозванничества», когда сакральная сущность самодержавной власти не только не ставилась под сомнение, но, наоборот, становилась средством борьбы за власть. А первая же попытка покушения на самодержавие 1825 года («восстание декабристов») явила собой трагифарс.

Достигнув в начале 19 века эпохи расцвета, Русская цивилизация в течение целого столетия предпринимала попытки западной модернизации – более всего в сфере экономической и правовой. Но экономическая европеизация постоянно буксовала, наталкиваясь на непонятной природы препятствия. Народ – крестьянство, составлявшее более 80% населения, воспринимал власть и, в качестве ее части, вообще интеллигенцию, как скрытую угрозу. И исторические предпосылки тут логично сочетались с современными – реформирование аграрной экономики в условиях сакральной самодержавности могло вестись лишь административными мерами при отсутствии социально-экономической мотивированности снизу. Иные методы не работали – вспомним хотя бы рассказ Льва Толстого «Утро помещика».

Парадоксальными оказались итоги и правовой модернизации.

Судебные уставы 1864 года создали систему независимых судов, отделенных от администрации. Однако этот важный шаг в сторону создания гражданского общества в европейском смысле был почти незаметен ввиду того, что основная часть населения – крестьяне – оставалась в юрисдикции традиционных волостных судов, не встроенных в систему судов общей юрисдикции. Эти суды не были обязаны руководствоваться действующим правом и часто действовали по местным обычаям; их решения были непредсказуемы.

Такая особенность судебной реформы никак не сближала крестьянство с образованным обществом, оставляя в неприкосновенности разделение России на сформированное страхом перед всем новым большинство и вестернизируемое меньшинство.

Мало того – такая извращенная самодержавными условиями рождения правовая система вела к тому, что профессиональные юристы, идеалом которых не могло не быть общество, основанное на праве, становились в оппозицию самодержавной власти, готовя, в конечном счете, ее гибель.

Такой объективно поверхностный характер реформ мог привести только к одному: утрате сакральности самодержавия. Разумеется, с одновременной утратой «православной» веры в Бога. Результатом стала долгожданная революция европейского образца под демократическими лозунгами... И – империя стала было рассыпаться...

Но цивилизация имеет все свойства живого организма и соответствующую интенцию на выживание, преодоление губительных внешних воздействий.

И потому, хотя последующее «большевистское» развитие событий было также продолжением европейской реформации, в ее духовной составляющей на месте плюрализма была идеологичность. Благодаря которой, самодержавно-рабская константа Российской цивилизации обеспечила ей возможность регенерации в обличье советской империи.

А потом все это еще раз повторилось, как уже было описано, в эволюции от горбачевской перестройки советской империи – в путинскую реставрацию уже совершенно химерической псевдоимперской конструкции...

Можно заметить, что империя, несмотря на все свои усилия, вышла из последней регенерации уже с серьезными территориальными и политическими потерями. Но будущим ее реформаторам нужно понимать, что им противостоит многовековая цивилизация, а не «недопросвещенное» население. В противном случае все повторится еще раз.

22

Небольшое отступление.

Я предчувствую некоторую неудовлетворенность просвещенного «научным» подходом читателя теми понятиями, которыми я оперирую. Возможно, ссылкой на каких-то ученых я могу оправдаться за «менталитет», особенно после того, как продемонстрировал (я надеюсь) убедительность цивилизационного подхода в политическом анализе. Но вот то, что на формирование менталитета Русской цивилизации решающее значение могли иметь, пусть и массово травмирующие психику, но «всего лишь» 20-летние репрессии XVI века...

Не хочет же автор сказать, что приобретенные психические травмы могут наследоваться биологическим путем?

Прежде чем прямо ответить на этот вопрос, я хочу отчитаться «за науку».

В обществе, на мой взгляд, сложилась абсолютно нездоровая гиперболизация «научности» той или иной представляемой сознанием модели. Между тем, наука имеет весьма ограниченную сферу познания. Она не может ответить, например, на вопросы «что есть материя», «что есть тяготение», «сила», «энергия» и т.д. Наука не может ответить на все подобные причины: она имеет дело не с самим Миром, а с представлениями, возникающими в его сознании человека в процессе познания, в силу чего «принцип полагания чего-то просто данного и необъяснимого, из чего выводится все остальное, будет сохраняться всегда» (эта формула – из давнего труда недавно ушедшего Игоря Марковича Ефимова «Практическая метафизика»).

Поэтому, хотя я и буду использовать данные «точных наук», но не как «решающее доказательство» чего бы то ни было, а просто для полноты картины.

Познавательная деятельность – она ведь только в редких случаях «научна». Вот, например, писатель, описывающий, в сатирической форме, свои представления об общественном устройстве своей страны или человечества в целом. Конечно, «науки» в его описаниях нет никакой, но это не значит, что за этим описанием нельзя выявить наличие «особости» описываемого феномена, если таковая имеется.

Возьмем, допустим, романы Анатоля Франса «Остров пингвинов» (1908), роман Вольтера «Кандид или Оптимизм» (1759), «Путешествия Гулливера» Свифта (1727), наконец, «Письма с Земли» Марка Твена (1909) и – сравним их с «Историей одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина

(1870). Мы обнаружим, что человек как существо социальное имеет – при всех сходствах – в представлении западных и российского авторов и некие существенные различия. (Я уверен, что и анализ русских и западных пословиц и поговорок тоже дал бы такой результат.)

Если попытаться выразить эту особость одним словом, то им будет слово «покорность». Именно его использовал Оноре де Бальзак в «Письмах из Киева» (1847), написанных вполне комплиментарно, так что даже были обвинения в ее «заказе» против книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году:

«Покорствоваться, покорствоваться, несмотря ни на что, покорствоваться с опасностью для жизни, покорствоваться даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна. Эта русская покорность особенно поражает того, кто знаком с решительной неспособностью к повиновению, царящей во Франции. Покорность эта составляет главное различие между Россией и Польшей» – <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/BALZAC.HTM>

В его «Письмах» есть, кстати, и одно важное для нашей темы умозаключение:

«Все, кто в последнее время писали о России, совершали величайшую ошибку, глядя на эту страну сквозь конституционную призму, рассматривая ее сквозь лондонские или парижские очки. Авторы эти не хотели признать, что русский характер есть характер по преимуществу азиатский; они напоминали игроков в вист, которые, не зная ничего, кроме виста, метали бы громы и молнии против людей, играющих в преферанс (русская игра) или реверси, и отпускали более или менее остроумные шутки насчет глупого народа, который не понимает всех прелестей благородной игры в вист».

Итак, особость менталитета Русской цивилизации перед цивилизацией Западной, особость невероятно устойчивая, сохраняемая на протяжении веков, несмотря на неоднократные попытки ее устранения, – неоспорима.

И, замечу – у Салтыкова-Щедрина это не были писательские «умствования». Он много лет находился на государственной службе, причем, четыре года – вице-губернатором Рязанской и Тверской губерний. Он пытался, после освобождения крестьян, практическим образом развивать капиталистические производственные начала в купленном им поместье Витенево, разорившись в считанные месяцы (а до этого писал: «Пять лет спустя, как только мужик будет освобожден, хозяйство процветет»). Не случайно же Бальзак в тех же «Письмах» отмечал:

«Характер здешних крестьян исчерпывается двумя словами: варварское невежество; эти люди ловки и хитры, но потребуются столетия, чтобы их просветить. Разговоры о свободе они, точь-в-точь как негры, понимают в том смысле, что им больше не придется работать. Освобождение привело бы в расстройство всю империю, зиждующуюся на послушании».

Ну, а теперь обратимся к биологии – просто для полноты картины.

23

Вопрос, который нас волнует – возможность биологического, а не только социально-культурного, наследования поведенческих матриц.

Очевидно, что травмирующая психику информация не может рассматриваться как социально-культурный фактор, присущий цивилизации, и потому должна вытесняться из памяти поколений,

не включаясь в социальное наследование. Однако, как оказалось, в таких случаях может иметь место биологическое внегенетическое наследование.

Оказалось, что информация такого рода изменяет экспрессию генов путем так называемых эпигенетических изменений – то есть таких, которые не изменяют последовательность нуклеотидов в ДНК. При этом генетический код, заключенный в ДНК не меняется, однако определенные биологические процессы (в частности, метилирование ДНК – добавление к ДНК метильных групп; изменение длины РНК) меняют активность генов – и эти изменения наследуются и могут влиять на эволюцию.

Вот выдержки из википедийного раздела «Эпигенетика»:

«Исследования на мышах показали, что определенные условные страхи могут передаваться по наследству от любого из родителей. В одном примере мышей заставляли бояться сильного запаха ацетофенона, сопровождая этот запах электрическим током. Следовательно, мыши научились бояться запаха только ацетофенона. Было обнаружено, что этот страх может передаваться потомству мышей. Несмотря на то, что потомство никогда не испытывало электрического шока, мыши по-прежнему проявляли страх перед запахом ацетофенона, потому что они унаследовали этот страх эпигенетически путем сайт-специфического метилирования ДНК. Эти эпигенетические изменения продолжались до двух поколений без повторного возникновения шока» – <https://ru.qaz.wiki/wiki/Epigenetics>

Разумеется, эпигенетическое наследование имеет место и у человека:

«Поведенческая эпигенетика – это область исследования, изучающая роль эпигенетики в формировании поведения животных (включая человека) ... Поведенческая эпигенетика пытается обеспечить основу для понимания того, как на экспрессию генов влияет опыт и окружающая среда, вызывая индивидуальные различия в поведении, познании, личности и психическом здоровье. /.../

«Эпигенетические изменения происходят не только у развивающегося плода, но и у отдельных людей на протяжении всей жизни человека. Поскольку некоторые эпигенетические модификации могут передаваться от одного поколения к другому, последующие поколения могут быть затронуты эпигенетическими изменениями, которые произошли у родителей» – https://ru.qaz.wiki/wiki/Behavioral_epigenetics

А вот еще сообщение:

«Генетики из Школы медицины Икана больницы Маунт-Синай доказали, что посттравматический синдром может передаваться по наследству. Медики изучали уровень метилирования ДНК у людей, переживших холокост. Результаты эксперимента опубликованы в журнале [Biological Psychiatry](#).

В эксперименте участвовали образцы крови 32 бывших узников концентрационных лагерей и их взрослых детей (22 человека). В качестве контроля в эксперименте участвовали евреи и их родители, которые избежали преследования. Ученых интересовал уровень метилирования гена FKBP5, связанного с подверженностью стрессу. В результате эксперимента было установлено, что последствия стресса могут не только передаваться следующим поколениям, но и повышать заболеваемость психическими болезнями у детей, чьи родители пережили тяжелую психологическую травму» – <https://diletant.media/news/30695993/>.

И еще один отрывок:

«Ученые считают, что эпигенетическая метка передается из поколения в поколение из-за страшных времен, пережитых человечеством: войн, голода и геноцидов. /.../

...Даже если эпигенетическое влияние постепенно нивелируется, последствия перенесенной травмы огромны.

Это меняет наши взгляды на то, как жизненный опыт наших родителей влияет на нашу физиологию и психическое здоровье» – <https://www.bbc.com/ukrainian/vert-fut-russian-47748265>

Теперь мы можем с полным основанием предполагать, что многолетний жесточайший стресс, в котором держало население Московии-Руси сакральное чудовище путем тотального физического и морального насилия, запустил механизмы эпигенетического наследования депрессии и апатии населения. И этот механизм, скорее всего, стал устойчивой фенотипической компонентой русского человека, формируя соответствующую ментальность Русской цивилизации.

Устойчивость этой компоненты обеспечивала, прежде всего, такая специфическая культурная «скрепа», как православие, очень «удачно» поддерживая запущенное биологическое наследование социально-культурным. «Раб Божий», «Нет власти не от Бога» – эти формулы транслировались подданным покорной самодержцу церковью, формируя ту самую покорность, как высшую национальную ценность.

Конечно, если бы население Московской Руси могло бы после чудовищных экспериментов над ним оказаться в принципиально иной среде – как, допустим, бывшие узники концлагерей, то после смены двух-трех поколений эти эпигенетические изменения были изжиты. Но население – не изолированная группа, его неоткуда изъять и некуда переместить. И потому возникшие изменения, органично сочетавшиеся с социально-культурной традицией сами стали фактором, формирующим среду и, таким образом, приобрели устойчивость, формируя цивилизационный менталитет.

Так сложился менталитет Русской цивилизации, в которой население страшится свободы выбора, свободы Веды.

Примечание.

Вопрос о возможности «изживания» эпигенетических последствий все же нуждается в некоторой концептуализации. Эксперименты показывают, что эпигенетическое наследование должно заметно (в 1-2 поколениях) затухать после снятия воздействия, которое его вызвало. Но это в экспериментах над животными. Над человеком подобные эксперименты произвести невозможно. Так есть ли особенность эпигенетического наследования у человека, ведущая к его устойчивости, по сравнению с ней же у животного, когда эта устойчивость не наблюдается?

Отличие человека от животного состоит в том, что он существует не в «среде обитания», а в «мире представлений» о ней. Разумеется, животные тоже – но они этого не осознают и не имеют достаточных ментальных средств для корректировки этого мира представлений в приспособительных целях. Назовем этот «мир представлений» – ментальной средой человека.

Существование в ментальной среде (формируемой не только восприятием и инстинктами, но и сложной рефлексией) дает человеку возможность не просто реагировать на невыносимые условия среды обитания соответствующими защитными психическими реакциями («Стокгольмский синдром», например), но и, при длительности и устойчивости этих невыносимых условий, выстраивать функциональность этой ментальной среды в виде целостного адаптационного барьера как для текущих, так и для возможных в будущем невыносимых воздействий со стороны среды обитания.

Такая сложившаяся в XVI веке «адаптивная» ментальная среда человека Русской цивилизации и стала ее специфическим признаком, наследуемым даже тогда, когда среда его обитания утрачивает свойства невыносимости.

Послесловие

Те особенности Русской цивилизации, которые я постарался здесь описать, мало учитывались западной либеральной мыслью. То же самое можно наблюдать и в ее восприятии цивилизации Ислама, последствия чего пока трудно предсказуемы. По-видимому, либеральная доктрина должна отказаться от утопических представлений о своем месте в судьбе человечества. Этот отказ может, на мой взгляд, выразиться в признании следующих положений:

1. Эволюция человечества – это эволюция сложных, по-разному устроенных общественных систем, по умолчанию враждебных друг другу.
2. Каждая из таких систем находится на своей стадии жизненного цикла.
3. Эти системы ни в какой момент не подчинены никакой иерархии.
4. Никакая из этих систем не может и не должна нести ответственность за судьбы других систем, а также намеренно воздействовать на эти судьбы – кроме случаев, когда такое воздействие прямо предусмотрено совместным договором.

Андрей Маргулев